

ЭКСПРЕССИЯ мРНК ЭРИТРОПОЭТИНА В СТВОЛЕ МОЗГА КРЫС ПРИ АДАПТАЦИИ К ИНТЕРВАЛЬНОЙ ГИПОКСИИ

Поступила 08.04.09

Представлены результаты исследования содержания мРНК гликопротеина эритропоэтина в структурах ствола мозга крыс в условиях адаптации к интервальной гипоксии при разном содержании кислорода в гипоксических смесях (12 или 7 % O₂, двухнедельный курс с пятью ежедневными сеансами). Показано, что содержание мРНК эритропоэтина в стволе мозга в условиях подобной адаптации обнаруживает явную тенденцию к уменьшению после курса умеренных гипоксических воздействий (12 % O₂) и падает более чем вдвое после более «жесткого» курса (7 % O₂). Высказано предположение, что уменьшение синтеза данного гликопротеина связано с завершением некоего этапа адаптивного процесса после длительного курса гипоксических тренировок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интервальная гипоксия, ствол мозга, эритропоэтин, мРНК.

ВВЕДЕНИЕ

Адаптация (в широком понимании этого термина) является фундаментальным свойством всех живых организмов, лежащим в основе их успешного выживания. Адаптация к условиям сниженного содержания кислорода во внешней среде (гипоксии) представляет собой одну из важнейших разновидностей адаптационного процесса. Эффективность адаптации данного вида у наземных позвоночных в значительной мере определяется перестройками в системе контроля дыхания и модификациями активности стволовых структур мозга.

Наша предыдущая работа [1] была посвящена выяснению роли глутаматных NMDA-рецепторов нейронов ствола мозга в механизмах адаптации системы контроля дыхания к интервальной гипоксии. Мы показали, что глутаматергические звенья стволовых систем в существенной степени вовлечены в адаптационный процесс в дыхательной системе и этот процесс основывается на пластичности NMDA-рецепторов нейронов системы респираторного контроля в условиях экспозиции к сниженному PO₂. Другим потенциальным агентом,

способным оказывать существенное влияние на эффективность адаптации системы контроля дыхания к условиям гипоксии, по-видимому, является эритропоэтин (Эпо).

Впервые данный гликопротеин был идентифицирован как гематopoэтический фактор (цитокин), который критически необходим для выживания организма в целом и, в частности, для процесса точной дифференциации [2]. Молекулярная масса Эпо составляет 34 кДа. Выяснилось, что на эмбриональной стадии развития организма Эпо синтезируется в кишечнике; в дальнейшем синтез этого агента преимущественно осуществляют почки. В настоящее время Эпо приписывают роль основного физиологического фактора, регулирующего эритропоэз. Было также установлено, что повышение содержания Эпо способствует усилению снабжения тканей кислородом. Следует, однако, учесть, что поставка O₂ тканям в данном аспекте представляет собой процесс с обратной связью, поскольку интенсивности как продукции Эпо, так и самого эритропоэза являются O₂-зависимыми.

Как упоминалось выше, ранее считалось, что Эпо синтезируется исключительно в «эмбриональном» кишечнике и во «взрослых» почках. Однако оказалось, что Эпо и рецепторы Эпо (ЭпоР) экспрессируются и в других органах и тканях. В частности, процессы экспрессии Эпо и ЭпоР достаточно интенсивны и в пределах ЦНС (в нейро-

¹ Институт физиологии им. А. А. Богомольца НАН Украины, Киев (Украина).

² ГУ Институт нейрохирургии им. акад. А. П. Ромоданова АМН Украины, Киев (Украина).

Эл. почта: dr_kolesnikova@ukr.net (Е. Э. Колесникова).

нах, глиоцитах, клетках эндотелия) [3]. Экспрессия Эпо и ЭпоР в процессе развития мозга может существенно изменяться [4–6]. Кроме того, была выявлена способность Эпо к тканеспецифической регуляции многих процессов в пределах ЦНС. В частности, было установлено, что Эпо оказывает выраженное нейропротекторное влияние при ишемических и гипоксических воздействиях на ЦНС, метаболическом, нейротоксическом и эксцитотоксическом стрессе [3]. Одновременно Эпо играет роль существенного координационного фактора в отношении различных физиологических событий в ЦНС, включая ограничение продукции свободных радикалов и глутамата, модуляцию процессов синаптической передачи, индукцию вазодилатации в условиях спазма сосудов, стимуляцию ангиогенеза, ограничение степени апоптоза и выраженности процесса воспаления [3].

К функциям Эпо, не связанным с эритропоезом, относят и участие указанного гликопротеина в функционировании структур ствола мозга, которые осуществляют контроль активности дыхательной системы. Так, действие Эпо считают существенным фактором, влияющим на формирование респираторной реакции на гипоксию [7–9] и адаптацию системы контроля дыхания к данному состоянию [8, 10]. ЭпоР присутствуют в нейронных сетях центрального генератора дыхательного ритма (*central respiratory pattern generator*). В частности, наличие подобных рецепторов выявлено в таких структурах дыхательного центра, как пребетцингеровский комплекс (принципиальная часть гипотетического генератора дыхательного ритма) и ядро одиночного пути, которое получает афферентную импульсацию, исходящую от каротидных глобусов. Кроме того, на трансгенных животных с высоким содержанием Эпо в мозгу была продемонстрирована преимущественно «центральная» природа влияния Эпо на формирование респираторной активности. Этот эффект проявлялся как повышение частоты дыхания при гипоксической стимуляции [8, 9]. Предполагается, что именно Эпо в значительной степени осуществляет модуляцию уровня катехоламинов в катехоламинергических нейронах респираторных структур ствола мозга (в частности, в нейронах респираторной понтинной группы А5). В результате этого изменяются частотная и объемная характеристики респираторной реакции на гипоксию (*hypoxic ventilatory response – HVR*) в условиях как острой гипоксии, так и длительной экспозиции к гипоксической стимуляции [8].

Учитывая все приведенные данные, мы исследовали экспрессию Эпо в стволе мозга крыс, прошедших адаптацию к интервальной гипоксии.

МЕТОДИКА

Серия исследований, посвященная изучению роли Эпо в механизмах адаптации к гипоксии, была проведена на 15 крысах-самцах линии Вистар массой 350–450 г (380 ± 34 г). Животных разделили на три группы. Группа 1 была контрольной; крыс группы 2 подвергали двухнедельному курсу интервальных гипоксических тренировок (ИГТ) в проточной камере, в которую подавали газовую смесь, содержащую в себе 12 % O_2 и 88 % N_2 (15 мин гипоксии + 15 мин дыхания атмосферным воздухом, пять раз в день). Животные группы 3 адаптировались к ИГТ при дыхании смесью 7 % O_2 и 93 % N_2 (15 мин гипоксии + 15 мин дыхания атмосферным воздухом, пять раз в день).

По окончании курса ИГТ у экспериментальных животных выделяли ствол мозга; операция производилась под эфирным наркозом. Выделение РНК из ткани ствола осуществлялось согласно стандартному протоколу с использованием набора «Trizol RNA Prep 100» (РФ), содержащего в себе тризол (лизирующий реагент, в состав которого входят денатурирующий агент гаунидин тиоцианат и фенол) и *ExtraGene E* (суспензию смеси ионообменников). Содержание мРНК Эпо в стволе мозга определялось с применением метода обратной транскрипции, для чего использовали наборы «RevertAid H Minus First Strand cDNA Synthesis Kit» («Fermentas», Литва), и полимеразно-цепной реакции (ПЦР, PCR), многократно увеличивающей количество фрагментов необходимого гена. Для амплификации применяли пары специфических праймеров к гену Эпо – прямой и обратный (*sense* и *antisense* соответственно), синтезированные фирмой «Fermentas» (Литва). *Sense 5'* имел последовательность CCGTCCCAGATACCAAAGTC – 3', а *antisense – 5'* – TGCAGAAAGTATCCGCTGTC – 3'; размеры амплификата соответствовали 300 п. о. (пар оснований). ПЦР проводили в термоциклере «Applied Biosystems 2700» («PerkinElmer», США).

Амплификация фрагмента гена Эпо состояла из 37 циклов, включающих в себя периоды денатурации (94 °С, 1 мин), «отжига» праймеров (61.5 °С, 50 с) и элонгации (72 °С, 1 мин); последний цикл элонгации длился 7 мин.

Полученные данные о содержании мРНК Эпо в ткани ствола мозга нормировались по актину (мРНК Эпо/актин).

Аmplификация фрагмента гена белка α -актина (прямой праймер – 5' – AACCCSTAAGGCCAACCGTGAAA – 3'; обратный праймер – 5' – TCATGAGGTAGTCTGTTCAGGTC – 3') включала в себя 37 циклов (денатурация – 94 °C, 1 мин, «отжиг» праймеров – 61.5 °C, 50 с и элонгация – 72 °C, 1 мин); последний цикл элонгации продолжался 7 мин.

Аmplификаты разделяли в агарозном геле (2.0 %) на трис-боратном буфере 0.5XTBE, который содержал в себе бромистый этидий. Визуализация амплификатов после горизонтального электрофореза (160 В на протяжении 40 мин) проводилась с помощью трансиллюминатора «Биоком» (РФ).

Весь период исследований животные содержались на стандартном рационе вивария Института физиологии им. А. А. Богомольца НАН Украины при стандартном световом режиме (12 ч освещенность/12 ч темнота). Исследования проводились соответственно положениям международных конвенций по защите животных, используемых в экспериментальных и других научных целях (Страсбург, 1985), а также согласно положениям Комитета по биоэтике Института физиологии им. А. А. Богомольца.

Числовые данные подвергались стандартной статистической обработке и выражались как среднее арифметическое $\pm$ ошибка среднего ($M \pm m$). Достоверность различий оценивалась с помощью t -критерия Стьюдента; достоверными считали межгрупповые различия при $P < 0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

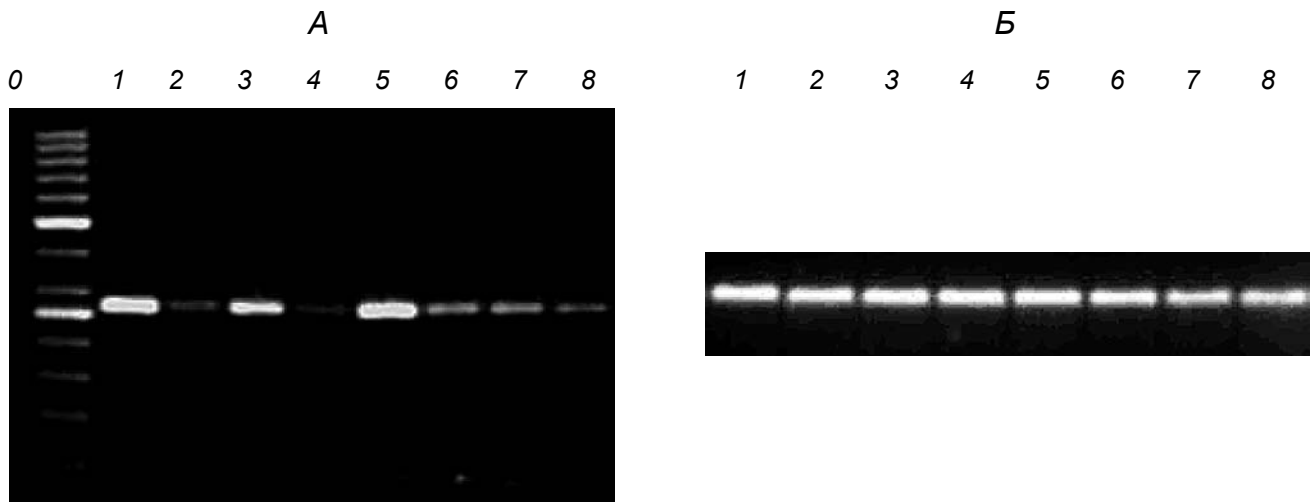
Как упоминалось выше, для выявления роли Эпо в механизмах адаптации дыхательной системы к ИГТ мы оценивали содержание мРНК Эпо в ткани ствола мозга крыс, подвергаемых двухнедельным курсам ИГТ (дыхание гипоксическими смесями со сниженным содержанием O_2).

Адаптация к ИГТ при периодических эпизодах дыхания смесью, содержащей в себе 12 % O_2 , сопровождалась выраженной тенденцией к снижению уровня мРНК Эпо в стволе мозга (в среднем на 28.8 ± 17.6 % по сравнению с контролем) (рис. 1; 2). Данное достаточно заметное межгрупповое различие было, тем не менее, недостоверным ($P > 0.05$) из-за значительной индивидуальной

вариабельности полученных значений. Надеюсь получить более четкую картину изменений экспрессии мРНК Эпо в условиях гипоксии, мы провели еще одну серию исследований, в ходе которой крысы адаптировались к ИГТ в более «жестком» гипоксическом режиме: дыхательная смесь содержала в себе всего 7 % O_2 . Оказалось, что адаптация к такой «жесткой» гипоксии (7 % O_2) характеризовалась не тенденцией, сходной с изменениями при режиме «12 % O_2 », а драматическим статистически достоверным падением содержания мРНК Эпо в стволе мозга. Среднегрупповой показатель в этом случае был меньше контрольного в среднем на 62.3 ± 14.6 % ($P < 0.05$). Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что длительное приспособление к условиям гипоксии в режиме ИГТ в течение двух недель сопровождается существенным уменьшением количества мРНК Эпо в стволовых структурах мозга и, соответственно, подавлением экспрессии данного гликопротеида.

Установлено, что экспрессия Эпо в разных тканях организма значительно различается, что, очевидно, связано с тканеспецифичностью функций этого фактора [3]. В ряде литературных источников [10–12] указывалось, что концентрация мРНК Эпо в тканях мозга при адаптации к хронической гипоксии повышается. Наши же данные, свидетельствующие о снижении уровня мРНК Эпо в стволе мозга в условиях такой адаптации, диаметрально противоположны имеющимся в литературе. Такое противоречие может быть обусловлено (во всяком случае частично) различными сроками экспозиции к гипоксии в разных исследованиях (в различных сообщениях – от нескольких часов до нескольких дней [10–12], т. е. значительно меньшими, чем в нашем случае). Не исключено, что определенную роль играют различия в режиме экспозиции (интервальные воздействия в наших собственных исследованиях и постоянно действующая гипоксия в цитируемых работах).

Причины снижения уровня мРНК Эпо после адаптации к длительной периферической гипоксии могут быть следующими. Показано, что повышение содержания Эпо в мозгу в условиях «мягких» режимов гипоксии либо ишемии может быть фактором, способствующим нейропротекции [13]. Установлено, что Эпо блокирует кальцийзависимое эксцитотоксическое высвобождение глутамата из нервных клеток в случае ишемизации мозга [14]. Таким образом, Эпо препятствует гибели нервных клеток при ишемии, связанной с избыточ-

Р и с. 1. Электрофореграмма результатов ПЦР, характеризующая экспрессию мРНК эритропоэтина в стволе мозга крыс при адаптации к интервальной гипоксии (метод обратной транскрипции).

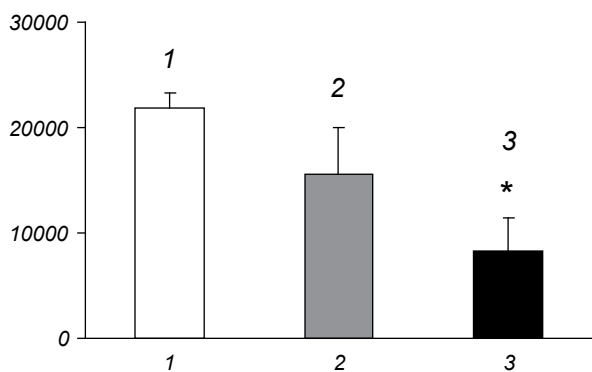
А – образец мРНК эритропоэтина, *Б* – актина; *0* – маркер молекулярной массы; *1–3* – контроль; *4–6* – после двухнедельного курса интервальных гипоксических тренировок при содержании в дыхательной смеси 12, 7, 8 – 7 % O_2 .

Р и с. 1. Електрофореграма результатів ПЦР, що характеризує експресію мРНК еритропоетину в стовбурі мозку щурів при адаптації до інтервальної гіпоксії (метод зворотної транскрипції).

ным экзоцитозом глутамата и его действием на соответствующие клеточные рецепторы. Поэтому повышение экспрессии Эпо в ткани ствола мозга на ранних стадиях адаптации к условиям сниженного pO_2 в дыхательной среде представляется вполне ожидаемым феноменом. Однако ситуация может оказаться обратной в том случае, когда гипоксиче-

ский фактор действует достаточно длительно и существенные многосторонние адаптационные сдвиги успевают развиться (и даже в ряде аспектов завершиться). Как можно предполагать, снижение уровня мРНК Эпо в стволе мозга после достаточно длительного периода адаптации является свидетельством завершения некоего этапа адаптационного процесса, когда даже умеренные количества Эпо во взаимодействии с другими факторами обеспечивают высокую степень нейропротекции, противодействующей токсическим эффектам избытка глутамата. Следует еще раз подчеркнуть, что описанная в литературе [10–12] динамика содержания Эпо при адаптации к гипоксии существенно отличается по своим временным рамкам от наблюдаемой в процессе курса ИГТ в нашем собственном исследовании.

Сопоставление данных о содержании мРНК Эпо в стволе мозга, полученных в настоящей работе, и количественных характеристик HVR при адаптации к гипоксии [1] (рассматриваемых как несвязанные выборки) позволяет прийти к определенным заключениям. Солиз и соавт. [8] было показано, что у трансгенных мышей Tg6 с повышенным содержанием Эпо в плазме крови и тканях мозга HVR в условиях адаптации к гипоксии характеризуется интенсивностью вентиляции, сходной с таковой у нормальных животных, но специфическим паттерном дыхания: у мышей Tg6 вклад частоты респира-

Р и с. 2. Изменения экспрессии мРНК эритропоэтина (Эпо) в стволе мозга крыс при адаптации к интервальной гипоксии.

На диаграмме представлены значения уровня мРНК Эпо, отнесенные к уровню мРНК актина. *1* – контроль; *2, 3* – после адаптации к интервальным гипоксическим тренировкам при содержании в дыхательной смеси 12 и 7 % O_2 соответственно. * Различие от группы контроля достоверно ($P < 0.05$).

Р и с. 2. Зміни експресії мРНК еритропоетину в стовбурі мозку щурів при адаптації до інтервальної гіпоксії.

торных движений в HVR был гораздо бóльшим [8]. После адаптации и другая линия мышей – Tg21 – характеризовалась повышенными по сравнению с таковой у нормальных животных HVR и четырехкратным увеличением содержания Эпо в мозгу [7]. Отличительной особенностью HVR у мышей Tg21 был также прирост интенсивности вентиляции преимущественно за счет частоты дыхательных движений [7]. Поскольку, согласно данным нашего собственного исследования [1], адаптационные перестройки HVR осуществлялись преимущественно за счет глубины дыхания (V_T), можно предположить, что синтез Эпо в стволовых структурах мозга заметно снижался ввиду зарегистрированного нами уменьшения содержания мРНК Эпо. По-видимому, пути реализации эффекта Эпо при влиянии ИГТ следует искать в изменениях активности тирозин-гидроксилаза-позитивных клеточных групп (A1C1, A2C2 *medulla oblongata* и A5 и A6 на уровне моста). Эти клетки обладают ЭпоР и вовлекаются в модуляцию функции внешнего дыхания в ходе адаптационного процесса [7].

Вместе с тем, поскольку базисные молекулярные механизмы действия Эпо на ЦНС до сегодняшнего дня выяснены лишь в ограниченной степени, наши изложенные выше предположения требуют дальнейших исследований и верификации в процессе соответствующих экспериментов.

Є. Є. Колесникова¹, О. Ю. Гарматина², Т. І. Древицька¹

ЕКСПРЕСІЯ мРНК ЕРИТРОПОЕТИНУ В СТОВБУРІ МОЗКУ ЩУРІВ ПРИ АДАПТАЦІЇ ДО ІНТЕРВАЛЬНОЇ ГІПОКСІЇ

¹ Інститут фізіології ім. О. О. Богомольця НАН України, Київ (Україна).

² ДУ Інститут нейрохірургії ім. акад. О. П. Ромоданова АМН України, Київ (Україна).

Резюме

Представлені результати дослідження вмісту мРНК глікопротеїну еритропоетину в структурах стовбура мозку щурів в умовах адаптації до інтервальної гіпоксії при різному вмісті кисню в гіпоксичних сумішах (12 або 7 % O₂, двотижневий курс з п'ятьма щоденними сеансами). Показано, що вміст мРНК еритропоетину в стовбурі мозку в умовах

подібної адаптації демонструє явну тенденцію до зменшення після курсу помірних гіпоксичних дій (12 % O₂) та падає більш ніж удвічі після більш "жорсткого" курсу (7 % O₂). Висловлено припущення, що зменшення синтезу даного глікопротеїну пов'язано із завершенням деякого етапу адаптивного процесу після тривалого курсу гіпоксичних тренувань.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Е. Э. Колесникова, В. И. Носарь, И. Н. Маньковская, "Роль глутамата в механизмах адаптации системы контроля дыхания крыс к интервальной гипоксии", *Нейрофизиология/Neurophysiology*, **41**, № 2, 183-191 (2009).
2. W. Jelkmann, "Erythropoietin: structure, control of production, and function," *Physiol. Rev.*, **72**, 449-489 (1992).
3. S. Genc, T. F. Koroglu, and K. Genc, "Erythropoietin and the nervous system," *Brain Res.*, **1000**, 19-31 (2004).
4. S. E. Juul, D. K. Anderson, Y. Li, and R. D. Christensen, "Erythropoietin and erythropoietin receptor in the developing human central nervous system," *Pediat. Res.*, **43**, 40-49 (1998).
5. S. E. Juul, A. Yachnis, A. M. Rojiani, and R. D. Christensen, "Imunohistochemical localization of erythropoietin and its receptor in the developing human brain," *Pediat. Dev. Pathol.*, **2**, 148-158 (1999).
6. S. E. Juul, "Nonerythropoietic roles of erythropoietin in the fetus and neonate," *Clin. Perinatol.*, **27**, 527-541 (2000).
7. J. Soliz, V. Joseph, C. Soulage, et al., "Erythropoietin regulates hypoxic ventilation in mice by interacting with brainstem and carotid bodies," *J. Physiol.*, **568**, Part 2, 559-571 (2005).
8. J. Soliz, C. Soulage, D. M. Hermann, and M. Gassmann, "Acute and chronic exposure to hypoxia alters ventilatory pattern but not minute ventilation of mice overexpressing erythropoietin," *Am. J. Physiol. Regul. Integr. Comp. Physiol.*, **293**, R1702-R1710 (2007).
9. M. Yalcin, F. Ak, I. T. Cangul, and M. Etruk, "The effect of centrally administered erythropoietin on cardiovascular and respiratory system of anaesthetized rats," *Auton. Neurosci.*, **134**, 1-7 (2007).
10. J. Soliz, M. Gassmann, and V. Joseph, "Soluble erythropoietin receptor is present in the mouse brain and is required for the ventilatory acclimatization to hypoxia," *J. Physiol.*, **583**, Part 1, 329-336 (2007).
11. M. Chikuma, S. Masuda, T. Kobayashi, et al., "Tissue-specific regulation of erythropoietin production in the murine kidney, brain, and uterus," *Am. J. Physiol. Endocrinol. Metab.*, **279**, E1241-E1248 (2000).
12. H. H. Marti, R. H. Wenger, L. A. Rivas, et al., "Erythropoietin gene expression in human, monkey and murine brain," *Eur. J. Neurosci.*, **8**, 666-676 (1996).
13. H. H. Marti, "Erythropoietin and the hypoxic brain," *J. Exp. Biol.*, **207**, 3233-3242 (2004).
14. M. Kawakami, M. Sekiguchi, K. Sato, et al., "Erythropoietin receptor-mediated inhibition of exocytotic glutamate release confers neuroprotection during chemical ischemia," *J. Biol. Chem.*, **276**, 39469-39475 (2001).